

Біографічний підтекст повістей А. Жіда „Вузька брама” і „Пасторальна симфонія”

Динниченко Тетяна Анатоліївна;

Tatiana.dynnichenko@gmail.com;

старший викладач;

кафедра світової літератури, Гуманітарний інститут,

Київський Університет імені Бориса Грінченка;

вул. Маршала Тимошенка 13-Б, 04212, Київ, Україна.

Анотація

Автор ставить завдання проінтерпретувати твори А. Жіда „Вузька брама” і „Пасторальна симфонія” як антиномічну єдність, яка ідентифікує діалогічні релігійні погляди письменника. З цією метою автор здійснює порівняльний аналіз названих творів і виявляє їх антиномію на рівні проблематики (діаметральна протилежність вирішення головного конфлікту), сюжету (протилежність вектору розвитку дії) та образів головних героїв (герої-антиподи), що відображує діалогічність мислення письменника.

Ключові слова: Жід, антиномічна єдність, християнство, протестантство, релігійний пантеїзм, біблійна критика, модернізм, діалогічне мислення.

Во Франции изучением жизни и творчества А. Жиде занимались А. Моруа, А. Клуар, П. де Буадеффе, К.-Э. Мани, Ф. Лестренган, П. Лафий, Ж. Мальон, Г. Боден и др. В Украине и странах ближнего зарубежья отдельные аспекты художественного наследия А. Жиде анализировали З. Кирнозе, В. Никитин, Л. Токарев, Л. Еремеев, В. Трыков, Н. Ржевская,

М. Якуб'як, И. Никитина, Е. Войцеховская, С. Криворучко и др. В целом, биография, эстетические, этические, религиозные взгляды и произведения писателя недостаточно раскрыты в науке о литературе, что объясняется политико-идеологическими факторами.

Задачей нашей статьи является интерпретация в контексте биографии А. Жида его произведений „Тесные врата” и „Пасторальная симфония” как антиномического единства, отражающего диалогические религиозно-этические взгляды писателя. Отдельных работ по анализу (в частности, в связи с религиозной концепцией автора) этих произведений в Украине нет. Оригинальным является сопоставление их в аспектах проблематики, построения сюжета, образов главных героев.

Все исследователи творчества А. Жида отмечают автобиографичность его прозы. Художественные произведения писателя объективируют проблемы и темы из его „Дневника” (1889-1949), а персонажей, по выражению Л. Еремеева, А. Жид „высекает” из своего естества, наделяет их своими собственными взглядами”. Его герои совершают безумства, и в них „заключена суть творческих и идейных исканий романиста, ими же обозначены границы нравственной и этической свободы индивидуума в обществе” [2, с. 33]. П. де Буадеффе отмечал, что каждое следующее произведение А. Жида есть диалектическим отрицанием предыдущего. Писатель признается: „Какова бы ни была книга, которую я пишу, я никогда не отдаю ей себя всего, и тема... сразу же развивается одновременно и в другую мою крайность...”, объясняя, что таким образом его ум „избавляется от единичности” [8, с. 107–108]. А. Жид, размышляя о том, насколько далеко может зайти человек в своей жажде свободы и в своем праве быть свободным, выступает и как моралист и как антиморалист. Его антиморальность не носит характера отрицания морали как необходимой основы человеческой личности, она является скорее специфической особенностью присущего модернизму „нигилизма, выходящего за рамки общественных отношений и распространяющегося на мораль, культуру,

научно-технический прогресс, цивилизацию в целом [2, с. 38]. В творчестве А. Жида очень большое место занимала „деконструкция” традиционной религиозной концепции морали. П. де Буадеффр предполагает, что возможно А. Жид воображал, что „продолжает дело неохристианских моралистов” [8, с. 96]. Будучи потомственным протестантом, нося в себе гены бунтовщика и реформатора, Жид пытался „модернизировать” Евангелие: „Я удивляюсь, что протестантство, отвергая подчиненность Церкви, не отвергло заодно запреты Святого Павла, догматизм его посланий, чтобы оставить только законы Евангелия. В скором времени, дойдет, я думаю, до освобождения слова Христа...” [8, с. 102]. А. Жид пытается придать Евангелию интерпретацию дионисийскую и языческую, что вполне соответствовало веяниям его времени: А. Жолковский, например, отмечает характерный для модернизма интерес к прямому синтезу культурных моделей, в особенности языческих и христианских [6, с. 102].

Религия занимала в жизни и творчестве А. Жида огромное место. П. де Буадеффр справедливо замечает, что „без Христа жидьеновская драма необъяснима”, ибо „он был человеком, которого тревожил свой Бог” [8, с. 91]. А. Клуар также говорит о писателе, как о „человеке, рожденном с Библией в колыбели” [9, с. 50]. Сам А. Жид неоднократно сетовал, что в западной литературе „роман занимается лишь отношениями людей друг к другу, отношениями эмоциональными или интеллектуальными, отношениями семейными, общественными, классовыми, – но никогда, почти никогда не занимается отношениями к самому себе или к Богу” [5]. Повести „Тесные врата” (1909) и „Пасторальная симфония” (1919) рассматривают именно эти отношения. Писатель использовал в них любовный сюжет как основу для религиозно-этических размышлений. Эти книги разделяет десятилетие, но они представляют собой антиномическое единство, отражающее „двойственный и внутренне противоречивый импульс его сердца” [8, с. 106].

В „Тесных вратах” автор критикует чрезмерную приверженность добродетелям. В образе Алисы писатель раскрывает некоторый излишек янсенизма, стремление к добродетели, полностью основанной на аскетизме [8, с. 110]. На вопрос, что „принуждает ангела страдать и гибнуть?” [9, с. 62], А. Жид дает однозначный ответ – религия. Метафора из Библии (она же стала названием повести) уже в самом начале книги запускает смертельный механизм, который приведет к катастрофе отношений Алисы и Жерома. На четырнадцатилетнего мальчика, влюбленного в свою шестнадцатилетнюю кузину, страдающую из-за развратного поведения матери, проповедь пастора производит неизгладимое впечатление: „Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их”. Он ярко представляет себе „широкие врата”: „я увидел толпу прекрасно одетых людей, которые, смеясь и дурачась, шли и шли друг за другом, и я чувствовал, что не могу, не желаю присоединиться к ним, поскольку каждый шаг, сделанный вместе с ними, отдалял бы меня от Алисы” [4, с. 6]. Узкие врата представились ему „похожими на машину для прокатывания стальных листов, я протискивался туда, напрягая все силы и чувствуя страшную боль, к которой, однако, добавлялся привкус неземного блаженства. Одновременно эти врата были и дверью в комнату Алисы, и, чтобы войти в нее, я весь сжимался, выдавливая из себя остатки эгоизма...” [4, с. 6]. А. Жид показывает, как незаметно церковь формирует искаженное представление о счастье, радости: „и вот уже печаль и умерщвление плоти оборачивались для меня предчувствием какой-то еще неведомой радости — чистой, мистической, ангельской, — той самой, какой жаждала моя душа” [4, с. 6]. Постепенно влюбленные больше всего начинают ценить преодоление своих естественных побуждений, „находить удовольствие исключительно в том, что достается ценою определенных усилий” [4, с. 7]. Но если Жером идет к Богу за Алисой, понимает „единение в Боге” как перспективу „забыв обо всем, обрести друг друга в поклонении одному и тому же”, и ему не

нужна любовь небесная без земной („На что мне небеса, если я не смогу обрести там тебя”), то Алиса понимает все по-другому: „Дорога, которую ты, Господи, завещал нам, узка — так узка, что двоим не пройти по ней бок о бок” [4, с. 56]. Ей кажется, что каждый из них должен прийти к Богу самостоятельно, что любовь Жерома к Богу небыстречна, если ему нужен другой проводник, кроме Христа. Девушка считает, что они ближе всего друг к другу, когда, „забывая один о другом, они возносят молитву Богу”, она уверена, что нужно „искать прежде царства Божия и правды его” [4, с. 9]. Таким образом, постепенно любовь к Жерому и стремление к Богу оказываются несовместимыми. Более того, Алиса страдает из-за того, что Жером любит ее слишком сильно (больше Бога), потому что это замедляет его продвижение к добродетели. Она также упрекает и себя за свою любовь к нему, „боится быть недостаточно чистой” для любви к Богу и отказывается от земной любви во имя добродетели. Страдание достигает апогея в „Дневнике Алисы”. Ее душа разрывается от противоречий: „Мне даже кажется сейчас, что само „стремление к совершенству” возникло во мне только благодаря Жерому. Но то, что достичь этого совершенства возможно лишь без него, — эта твоя заповедь, Господи, более всего смущает душу мою” [4, с. 55], „Господи, ты же знаешь, что с ним сильнее моя любовь к Тебе [4, с. 58]. Последние слова дневника потрясают безысходностью: „Я бы хотела умереть сейчас, как можно быстрее, чтобы не успеть вновь понять, как я одинока” [4, с. 61]. Таким образом, А. Жид показывает, как презрение к ценностям земного мира превращается в „аскетическую” форму тщеславия. Добродетель ради добродетели бессмысленна, эгоистична и жестока.

Эгоистическая, никому не приносящая добра, основанная на гордыне духа добродетель, представленная в „Тесных вратах” как эмоциональная глухота и своеобразная форма тщеславия становится точкой отсчета в „Пасторальной симфонии”, определенном рубиконе, после которого „критика христианства возьмет верх в произведениях А. Жида над возвышенной, божественной любовью” [8, с. 113]. Эта повесть воплощает

антиномическую идею, а главный герой является антиподом Алисы. Пастор таков, каковой стремилась стать Алиса: он давно отказался от полноценной внутренней духовной и душевной жизни и проводит однообразную череду дней в „ежедневных заботах о ближних”, представляя это единственно возможной формой добродетели. Он совершает все свои добродетельные поступки не ради людей, а ради самого себя, самоутверждения в своей добродетели. Но это не возвышает его, а, напротив, обедняет гамму его чувств, делает эгоистичным и толстокожим, что особенно очевидно проявляется в его отношении к собственной семье. И вдруг мир пастора наполняется красками, запахами и звуками, душа открывается для радости жизни, он ощущает в себе могучую энергию. И все потому, что он, сам того не осознавая, открывает свою душу для любви. Книга начинается с очень обычной для этого человека истории – он решает приютить у себя „потерянную овцу” [3, с. 15] – осиротевшую слепую девочку, „идиотку”, не умеющую ни говорить, ни понимать человеческую речь. И совершает он этот поступок не импульсивно, а из „добродетельной” гордыни: „...во время молитвы... я, коленопреклоненный, вдруг подумал, что сам Бог ставит на моем пути своего рода обязанность и что я не могу уклониться от нее, не проявив малодушия” [3, с. 11]. О том, как его добродетельные поступки воспринимаются теми, кто хорошо его знает, говорит возглас его жены при виде девочки: „Что это еще за бремя ты взвалил на себя?” [3, с. 13]. Она вполне могла бы сказать „на меня”, потому что А. Жид описывает чуть позже размышления пастора: „...я сконфузился, припомнив, что уже не в первый раз мне случается перекладывать на плечи жены последствия своих необдуманных поступков”. Сам пастор, вначале вообразивший себя чуть ли не Творцом, который одухотворит этот „ком тела”, пробудит эту „замурованную” душу, „сочинил себе целый роман о воспитании Гертруды”, но после первых же неудач признается, что испытывает к ней отвращение и почти сожалеет о своем первоначальном порыве [3, с. 21-22]. Все меняется, когда с помощью своего друга доктора Мартена пастору удастся, наконец,

пробудить разум и душу Гертруды, и, мало-помалу, она превращается в очаровательную, любознательную, искреннюю и непосредственную девушку. С этого момента скрытая ирония „Пасторальной симфонии” становится явной. По определению А. Клуара, „Страстно любящий пастор, думая, что выполняет долг милосердия, становится, сам того не ведая, почти Тартюфом” [9, с. 59]. Пастор пытается перерядить свой грех в добродетель и интерпретировать чужие добродетели как грехи. Он не допускает мысли, что совершает грех, любя Гертруды, ибо „не любить ее – значило бы предать ее, она нуждается в моей любви” и признается Богу: „для того, чтобы любить Тебя, мне нужна ее любовь” [3, с. 90-91]. Он истолковывает недостаточную сердечность по отношению к Гертруде своей жены, на глазах которой совершает прелюбодеяние, как черствость, а любовь своего сына Жака к девушке и его желание вступить с ней в брак, как подлость и намерение воспользоваться ее слепотой и наивностью. Более того, он ищет оправдание своей любви в Библии и... находит ее! Ему начинает казаться, что он неправильно понимал христианство, и теперь впервые пробудился к истинному христианству, освободившемуся от аскезы чувств, озаренному радостью. Пастор открыл для себя несказанное счастье души через любовь, а под воздействием любви, от которой он не в силах был отказаться, он переосмысливает христианскую доктрину. Его христианство – это христианство Христа, призывающего жить в радости здесь и сейчас. Вроде бы все правильно, но его радость – „это та любовь, которую он украл у своего сына, любовь, которая мучит его жену и которая убивает собственно ее объект, молодую девушку”, – говорит Клуар [9, с. 65].

Хотя главного героя „Пасторальной симфонии” нельзя отождествлять с автором (писатель не переносил лицемерия), А. Клуар задается вопросом, понимает ли А. Жид, что пастор „как раз полностью соответствует его анархистской концепции христианства. Узнает ли он себя самого?” [9, с. 66]. На этот вопрос можно ответить только в контексте биографии писателя и его религиозных взглядов. А. Жид, несомненно, был

моралистом, но моралистом особого рода, а именно – апологетом морали, основанной на счастье, в противоположность морали, центрированной на идее спасения, которая по его мнению, иногда проявляется как антимораль. Писатель открыто исповедует жизнерадостную любовь к жизни, и в этом смысле гуманизм писателя антирелигиозен, а точнее – антиклерикален. А. Жид считал, что Евангелие – это „совсем простая маленькая книга, которую нужно читать совсем просто”: „...нет ни предписаний, ни ограничений. Есть только тайна высшего блаженства...”. Благодаря чрезмерно простой интерпретации Евангелия возникает „ультра-протестантство” художника. Концепция Христа, по убеждению писателя, – это состояние радости: „Радость. Радость. Я знаю, что тайна твоего Евангелия, Господи, содержится в этом божественном слове...” [8, с. 25]. Н. Бердяев назвал А. Жида „пуританином, желающим насладиться жизнью” [1, с. 275 276]. Ф. Мориак определяет внутреннее противоречие писателя как „диалог между Христианином и Греком”, которые „говорили в его сердце, сменяя друг друга, или же беспорядочно ссорились” [8, с. 105]. Эта внутренняя борьба в душе художника закончилась в 1922 году: в последнем разговоре с П. Клоделем А. Жид сказал, что „испытывает нечто вроде блаженства... гетевская сторона его характера взяла верх над стороной религиозной” [8, с. 126]. Слова А. Жида о И.-В. Гете не случайны: А. Клуар говорит о „религиозном пантеизме” [9, с. 52] писателя, который растворяет бога в природе. А Жид толковал Евангелие как книгу не о рае небесном, а о счастье земном, но „для того, чтобы прочесть это в Евангелии, необходимо освободить, очистить это последнее от толкования и правил, установленных Церковью” [9, с. 52]. Писатель утверждал: „Христианство, организованное Церковью, деформирует и разрушает истинную несравненную мудрость Христа, говорящем о царстве небесном как о неминуемой реальности, реальности человеческой жизни” [9, с. 53]. В этом А. Жид близок к философии Н. Бердяева, видевшего сущность христианства именно в раскрытии человечности Бога, скрытой за догматами, написанными „для

внешнего употребления”, имеющими „педагогическую цель для людей минувших эпох”, но „негодных и вредных” для современности. Н. Бердяев утверждал: „Человечество вступило в возраст, когда в религии элемент устрашающий и грозный жестокими карами оказывается лишь на руку воинствующему безбожию. ...Судебная религия больше не годна для человека, человек слишком истерзан миром” [1, с. 312–313]. Радикальность религиозных идей А. Жида, „эпикурейское отношение к вере” (П. Клодель), были обусловлены несколькими факторами. В определенной мере они оказались энергичным бунтом против его пуританского воспитания. Еще одной причиной является категорическое неприятие им „практической религии” (педагогики „для минувших эпох”): „Принуждая себя подчиняться ей, я не достиг ничего, кроме глубокого расстройства всего моего существа” [8, с. 98]. И, наконец, его гуманистическая трактовка христианства была обусловлена самой эпохой. Как отмечает Д. Затонский модернизм, будучи „сокрушителем всех устоявшихся форм, врагом всех освященных привычкой традиций” [7, с. 31], „продолжал верить в возможность создания Земного Рая” [7, с. 133]. О ревизии традиционного христианства, очищении его от социальных наслоений говорил Н. Бердяев – „модернист” на православной почве, убежденный в необходимости и возможности творческого процесса в христианстве [1, с. 184]. Философ полагал, что Библия – это „уже преломление откровения Бога в ограниченной человеческой среде и на ограниченном человеческом языке. Обоготворение буквы Писания есть форма идолопоклонничества. Поэтому научная библейская критика имеет освобождающее и очищающее значение” [1, с. 179].

Таким образом, текстуальный анализ произведений А. Жида „Узкие врата” и „Пасторальная симфония” в контексте биографии автора, его религиозно-этических взглядов и культурной эпохи показывает, что эти повести представляют собой антиномическое единство. Они отражают присущую мышлению писателя диалогичность, что обнаруживается при сопоставлении проблематики (диаметральная противоположность

разрешения главного конфликта), сюжета (противоположность вектора развития), образов главных героев (образы-антиподы). Кроме того, анализ этих произведений как бинарного единства позволяет продемонстрировать определенные противоречия в мировоззрении писателя и определить вектор эволюции его взглядов.

Литература

1. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. – М.: Книга, 1991. – 446 с.
2. Еремеев Л. А. Французский литературный модернизм / Л. А. Еремеев. – К.: Наукова думка, 1991. – 120 с.
3. Жид А. Пасторальная симфония. Изабель: [пер. с фр.] / Андре Жид. – М.: АСТ Астрель, 2010. – 221 [3] с. – [Книга на все времена].
4. Жид А. Тесные врата [Электронный ресурс] / Андре Жид. – Режим доступа: http://royallib.ru/book/gid_andre/tesnie_vrata.html
5. Жид А. Биография. Книги. Жизнь. Творчество. [Электронный ресурс] / Андре Жид. – Режим доступа: www.belletrist.ru/definit/gide-defnt.htm
6. Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы / А. К. Жолковский. – М.: Наука. Издательская фирма „Восточная литература”, 1994. – 428 с.
7. Затонский Д. В. Модернизм и постмодернизм: Мысли об извечном коловращении изящных и неизящных искусств / Худож.-оформитель П. С. Рыженко / Д. В. Затонский. – Харьков: Фолио; М.: ООО „Издательство АСТ”, 2000. – 256 с. – [Книжная серия „Мастера”).
8. Boisdeffre P. de Le „Christianisme” d’André Gide / P. de Boisdeffre. Métamorphose de la littérature de Barrès à Malraux. Paris: Edition Alsatia, 1953. – P. 91–160.
9. Clouard H. André Gide / H. Clouard. Histoire de la littérature française du symbolisme à nos jours de 1915 à 1940. Paris: Editions Albin Michel, 1957. – P. 48–76.

References

1. Berdiaev N. A. Samopoznanye (Opyt fylosofskoi avtobyohrafyy) [Self-knowledge. Experience of philosophical autobiography]. M., „Knyha”, 1991, 446 p. (in Russian).
2. Ereameev L. A. Frantsuzskiy lyteraturnyy modernyzm [French literary modernism]. K., „Naukova dumka”, 1991, 120 p. (in Russian).
3. Zhyd, A. Pastoral'naia symfonia. Yzabel': [per. s fr.] [The Pastoral Symphony. Isabelle]. M.: AST Astrel', 2010, 221 p. (in Russian).
4. Zhyd A. „Tesnye vrata” [Strate is the gate]. Available at: http://royallib.ru/book/gid_andre/tesnie_vrata.html. (Accessed 10 October 2014). (in Russian).
5. Andre Zhyd. Byohrafiya. Knyhy. Zhyzn'. Tvorchestvo. [Biography. Books. Life. Oeuvre]. Available at: www.belletrist.ru/definit/gide-defnt.html. (Accessed 10 October 2014). (in Russian)
6. Zholkovskiy A. K. Bluzhdaiushchye sny y druhye raboty [Wandering dreams and other works]. M.: Nauka, 1994, 428 p. (in Russian).
7. Zatonskiy D. V. Modernyzm y postmodernyzm: Mysly ob yzvechnom kolovrashchenyy yziashchnykh y neyziashchnykh yskusstv [Modernism and postmodernism: thoughts about the eternal cycle of fine and inelegant arts] / – Kharkiv: Folyo, 2000, 256 p. (in Russian).
8. Boisdeffre P. de Le „Christianisme” d'André Gide / Boisdeffre P. de Métamorphose de la littérature de Barrès à Malraux. Paris: Edition Alsatia, pp. 91-160.
9. Clouard H. André Gide / H. Clouard. Histoire de la littérature française du symbolisme à nos jours de 1915 à 1940. Paris: Editions Albin Michel, 1957, pp. 48-76.

Биографический подтекст повестей Андре Жида „Тесные ворота” и „Пасторальная симфония”

Дынниченко Татьяна Анатольевна;

Tatiana.dynnichencko@gmail.com;

старший преподаватель;

кафедра мировой литературы, Гуманитарный институт, Киевский университет имени Бориса Гринченко;

ул. Маршала Тимошенка 13-Б, 04212, Киев, Украина.

Аннотация

Автор ставит задачу проинтерпретировать произведения А. Жида „Тесные врата” и „Пасторальная симфония” как антиномическое единство, отражающее диалогические религиозные взгляды писателя. С этой целью автор производит сопоставительный анализ названных произведений и выявляет их антиномию на уровне проблематики (диаметральная противоположность разрешения главного конфликта, сюжета (противоположность вектора развития действия и образов главных героев (образы-антиподы), что отражает диалогичность мышления писателя.

Ключевые слова: Жид, антиномическое единство, христианство, протестантство, религиозный пантеизм, библейская критика, модернизм, диалогическое мышление.

Biographical subtext Andre Gide stories „Strait is the gate” and „The Pastoral symphony”

Tetiana Dynnichencko;

Tatiana.dynnichencko@gmail.com;

Department of World Literature, Humanitarian Institute, Kyiv University
Borys Grinchenko;

Marshala Tymoshenko street, 13-B, 04212, Kyiv, Ukraine

Abstract

The author puts task to interpret works by Gide „Strait is the gate” and „The Pastoral Symphony” as antinomian unity reflecting dialogical religious views

of the writer. The author uses the following methods: biographical, comparative, socio-cultural and method of textual analysis.

The writer was a hereditary Protestant and in his work a very large place occupied by revision of the traditional religious concepts of morality. A. Gide thought that basic to the doctrine of christianity - the humanity of Christ and he opposed it to the dogmas of the Church, embodied in the comments of the Apostle Paul (he treated them as to social stratification). Radical religious ideas A. Gide caused by such factors: energetic revolt against Puritan upbringing; categorical rejection of the dogmas of the Church and their socio-cultural priorities of the modernism.

The original in the article is a comparative analysis of the works said in the aspects of the problematic, the construction of the plot, of characterization. The study reveals their antinomy in all three aspects: on the level of problems (diametric opposite of the main conflict resolution), the plot (the opposite direction of development), the construction of images of the main characters (images-antipodes).

Thus, the author comes to the conclusion that the product of the Andre Gide's „Strait is the gate” and „The Pastoral Symphony” is antinomian unity. Moreover, it is, as such, they reflect the inherent dialogic thinking of the writer, show some contradictions in his world and allow us to determine the evolution vector religious views of the author.

Keywords: Gide, Strait is the gate, Pastoral Symphony, antinomian unity, Christianity, austerity, virtue, religious pantheism, biblical criticism, modernism, dialogical thinking.